

Н. ВАКАР

По поводу «меча»

На статьи И. П. Демидова в «Последних новостях» проповедник нового христианства И. А. Ильин весьма не христиански выбранился.

«Возрождение» опубликовало фельетон, в котором г. Ильин, курьезно поделив статью на две части (мелким шрифтом — по адресу недостойного Демидова, крупным шрифтом — вообще к благоговеющим народам¹), рассказывает, что г. Демидов поступил с ним, г. Ильиным, недобросовестно, все «сочинил», опустился в споре ниже того «нравственного уровня», на котором стоит спорить, совершил «легкомысленную и злую выходку».

Так теория о «сопротивлении злу» устами самого автора приобретает наконец формы практического осуществления.

Речь, однако, не об этом. Г-н Демидов, если найдет нужным, сам на это ответит.

* * *

Понимая борьбу со злом только как *сопротивление*, г. Ильин выдвигает и защищает мысль о «православно обоснованном мече». Что это значит, не совсем понятно, потому что г. Ильин тут же оговаривается, что «православное обоснование» отнюдь не надо принимать за «оправдание» или за «освящение». Сам нанеся, таким образом, ущерб своему основному утверждению, г. Ильин тотчас же подпирает его костылем, занятым в Катехизисе митр<ополита> Филарета: казнь «православно обосновывается», говорит он, тем обстоятельством, что христианское сознание «допускает ее как необходимость» в тех случаях, когда исчерпаны все иные меры «сопротивления злу».

Первоначальное утверждение и обещанное «обоснование» меча и казни за ненахождением достойных аргументов поневоле сводится г. Ильиным всего только к *допущению* их христианским сознанием, что, очевидно, не одно и то же.

Если дело только в этом, то, собственно говоря, не из-за чего ломать копий: христианское сознание последних семнадцати веков шло ведь еще дальше и не только «допускало», но и само устами Церкви вооружало мечом не только в случаях «необходимости», но даже в случаях церковно-политической (напр<имер>, инквизиция XIII—XV веков) или административн<ой> (напр<имер>, папа Александр VI²) *целесообразности*. Причем папа Павел IV³ инквизицию (сжегшую с 1481 по 1809 г. — И. А. Ильин согласится: без крайней «необходимости» — 31 912 человек) называл «благодатным внушением Св. Духа».

Г-н Ильин, может быть, негодуяюще скажет: это к деду не относится, потому что это *католики*.

Что же, оставим католиков в стороне. В Своде законов Российской империи, т. I, г. Ильин читал или может прочесть, что еще не так давно (всего десять лет назад) главою *православной* Церкви был *опоясанный мечом* самодержец, «осуществлявший управление Церковью через посредство Св. Синода и пр.»... Обоснование для «православного меча» несколько более твердое и внушительное, чем речи, статьи и даже книги г. Ильина.

Возможно, впрочем, что г. Ильин не хочет или не решается идти так далеко; однако для такого предположения нет, к сожалению, больших оснований. Недаром автор «новой теории» ищет свои аргументы преимущественно в церковно-исторической практике Откровения и избегает искать их в самом Откровении.

* * *

Дело, однако, не просто в «сопротивлении злу».

Г-н Ильин ведь проповедует не правило личного поведения христианина, а некую общую максиму и возлагает задачу ее осуществления на *государственную власть*, которой-де отдельный христианин должен передоверить лично им ведомую борьбу со злом.

Здесь под «мечом» г. Ильина шевелится иная проблема, более существенная и важная.

Проблема эта тоже не нова и уже имела ряд разрешений на протяжении христианской истории, в частности и по преимуществу такие же, какие теперь снова предлагает г. Ильин. По существу, ее можно выразить так:

— Как служить миру сему, Мамоне⁴, сохраняя спокойную совесть для ответа Господу Богу?

Этого вопроса не существовало для первого христианства, так как оно не ставило перед христианином проблем вне внутреннего мира человека; поэтому, с другой стороны, оно и не требовало от христианина *ухода от внешнего мира*. Кесарево воздавалось кесарю, а Божие — Богу.

С возникновением «христианского государства» рядом с проблемой духовного *воскресения* человека впервые стала проблема внешнего *устроения* человека: устроения мира, а тем самым и службы миру. И как только Церковь этим занялась, тотчас же христианин ощутил непонятную до тех пор потребность... уйти от мира. Не случайно монашество возникло только в IV веке. Христианин *бежал* от внешне навязанного ему «христианского общества», от Мамоны, прошедшего через обряд крещения...

Г-н Ильин хочет повторить этот опыт, снова желает «Божье» передоверить «кесарю» и по рецепту баптистов вновь окрестить вошедшего в сознательный возраст «Мамону»⁵. Желает же он этого потому, что в «государственном властителе» видит «Божьего слугу для наказания преступников и злодеев и для заграждения уст безумных людей». В доказательство ссылается на ап. Павла:

«Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Римл. 13: 3—5).

Г-н Ильин, может быть, не учел, что эти слова были сказаны по поводу не какой-либо иной, но *логической* (и враждебной христианст<ву>) власти. Ссылаться на них *в том смысле, какой им приписывает г. Ильин*, можно в наше время совсем не в защиту и в оправдание того, что хочет защищать г. Ильин, а как раз наоборот. Например, для защиты и оправдания... большевистской власти, тоже вроде как бы «языческой» и к христианству враждебной, тем более для оправдания и защиты прочей современной власти, *равнодушной* к христианской Церкви...

Выделив в словах ап. Павла одно и придав выделенному формально-нормативный смысл, г. Ильин пренебрег другим: цитируя 13-ю главу Послания к Римлянам, он пренебрег предшествующей ей, двенадцатой, где по общему с 13-й главой поводу написано:

«И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, *чтобы вам познавать*, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная (12: 2).

...но думайте скромно, *по мере веры*, какую каждому Бог уделил (12: 3)... Благословляйте *гонителей* ваших, благословляйте, а не проклинаяте (12: 14).

...*Если возможно с вашей стороны*, будьте в мире со всеми людьми» (12: 18).

А приведенная самим г. Ильиным цитата кончается так:

«...надобно повиноваться не только из страха наказания, но и *по совести*»⁶ (13: 5).

Это, как и многое, что можно извлечь из Св. Евангелия и Апостольских Посланий, определяет смысл цитаты о «Божьем слуге» существенно иначе, чем того хочется г. Ильину.

Первое христианство оставляло за сыном Церкви полную свободу по совести (в меру своего христианского разума, или, по слову св. Иоанна Лествичника, «в меру возраста во Христе») самостоятельно определять свое личное отношение к внешнему миру (государству, обществу, власти). Советы же, как поступать в таких случаях, не воздвигались в общеобязательную норму.

Правда, признавалось, что «сей мир» пребывает во зле, и христианину вменялось в долг бороться со злом. Эта борьба, однако, отнюдь не была похожа на «сопротивление» и по самой своей приводе никак не могла быть передоверена «государственной» власти. Тот же ап. Павел пишет:

«Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (12: 20—21).

Это уже не сопротивление злу (Ветхий Завет), а преодоление и претворение зла и преображение злодея (Новый Завет).

Конечно: «Могий вместити, да вместит...» Но от неспособности «вмещения» г. Ильину не следует пытаться возводить человеческую немощь во Христову заповедь.

* * *

Всякая власть при известных условиях признавалась за благо. Она тогда благо, когда борется с тем же злом, с каким борется христианин. Но власть борется со злом *иначе*, чем борется христианин, причем часто и зло понимает иначе, чем христианин. При этом, по-видимому, прежде понималось так: если за-

дачей «кесаря» было сопротивление злу, то «Божьим делом» было преодоление и преобразование зла. Когда же, несмотря на это, «государственный властитель» отождествляет *свою* борьбу с делом Христовым, христианин бежал от него в монастырь, в секты, в пустыню... бежал от лжи и лицемерия Христовым именем.

* * *

Именно государственная власть — всякая: христианская и нехристианская — боролась и борется со злом посредством *сопротивления злу* в меру своего разума о зле (и именно по формуле г. Ильина: от «неодобрения» до «тюрьмы» и «смертной казни»).

В христианстве, особенно же в православии, — и это ничуть не толстовство, как пытается изобразить г. Ильин, — вместо проблемы «сопротивления злу» с первых веков по наши дни, пусть исторически затуманенная и помутненная, но по-прежнему живая и истинная, стоит иная проблема — проблема *преодоления зла*. Точнее и правильнее — не только преодоления, но *преображения и претворения зла*.

Это совсем не то, что «сопротивление» и «православно обоснованный меч».

Г-н Ильин, однако, настаивает: кесаря произвести в «Божьи слуги», окрестить и оправославить; на дела его наложить христианскую санкцию; оставив все по-старому (ибо что же г. Ильин сказал нового?), прибить на фронтоне вывеску: «Православно обоснованный меч!».

Неужели — не «философически», а попросту «по-честному», положив руку на сердце, — он действительно думает, что в результате; явится большее, чем неискusstная и лицемерная *симуляция* христианского общества?

